

СТАТЬИ

СТЕЙБЛКОИНЫ В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Л.А. Новоселова^{1,2}

¹Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
103132, Россия, Москва, ул. Ильинка, 8-2

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Аннотация

Актуальность проведенного исследования определяется необходимостью осмысления правовых последствий появления стейблкоинов как новых финансовых инструментов. Правовые системы, столкнувшись с процессами цифровизации, вынуждены были вырабатывать реакцию на существенное изменение техники заключения и совершения внутренних и трансграничных сделок, а также расчетов по ним, в частности на появление возможности прямых транзакций между контрагентами, минуя классические финансовые учреждения. Проблемы вызвало и появление новых, цифровых объектов, с неустановленным правовым режимом (криптовалюта, утилитарные токены и т.д.). Одним из наиболее часто используемых объектов стали стейблкоины — вид цифровых активов, которые принимаются в сделках по заранее определенной (определимой) стоимости (курсу). Целью исследования явилось определение возможных вариантов включения стейблкоинов в систему объектов российского гражданского права. С этой целью в статье рассматриваются подходы зарубежных регуляторов к выбору модели регулирования отношений с такими активами и отмечается, что их характеризует прагматизм, позволяющий для различных целей распространять на разные виды стейблкоинов правила, выработанные для известных объектов (ценных бумаг, биржевых товаров и т.д.). Отмечается, что в Российской Федерации формирование правовой среды для обращения цифровых активов, в том числе обладающих чертами стейблкоинов, находится в стадии становления. В основных законодательных актах, включая ГК РФ, решается вопрос только об инструментах, созданных и обращаемых на внутренних российских ресурсах. Анализ федеральных законов от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» показывает, что многие определенные в них цифровые права по своей природе аналогичны стейблкоинам: обеспеченным (утилитарные права, ряд ЦФА) или необеспеченным (цифровая валюта с фиксированной стоимостью). Вместе с тем российское законодательство, включая Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», не упоминает и, следовательно, не регулирует отношения с использованием «внешних» стейблкоинов. По итогам проведенного исследования делается вывод о необходимости введения в российское правовое поле «внешних» стейблкоинов, в том числе для использования

во внешнеторговых сделках, что требует как изменения законодательства, так и подходов регуляторов, предлагаются пути устранения существующих пробелов и противоречий в российском законодательстве.

Ключевые слова

валютные ценности, валютное регулирование, криптовалюта, международные расчеты, стейблкоины, цифровизация, цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровая валюта

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 124022800097-1 на тему «Юридическая квалификация отношений по созданию и обращению цифровых активов»).

Для цитирования

Новоселова, Л. А. (2024). Стейблкоины в системе действующего российского законодательства. *Цифровое право*, 5(1), 8–22. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1-1>

Поступила 26.01.2024, принята в печать 16.02.2024, опубликована: 31.03.2024

ARTICLES

STABLECOINS IN THE SYSTEM OF CURRENT RUSSIAN LEGISLATION

Ludmila A. Novoselova^{1,2}

¹Private Law Research Centre
8-2, Ilyinka str., Moscow, Russia, 103132

²Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russia, 125993

Abstract

The relevance of this research lies in the need to comprehend the legal implications of the development of stablecoins as new financial instruments. Faced with the processes of digitalization, legal systems have been required to develop a response to the significant changes to the techniques of undertaking domestic and cross-border transactions and settlements. In particular this concerns the emergence of the possibility of direct transactions between counterparties, bypassing the classical financial institutions. The emergence of new, digital objects with an unspecified legal regime (cryptocurrencies, utility tokens, etc.) has also led to problems. Stablecoins are one of the most frequently used objects. They are a type of digital asset accepted in transactions at a predetermined (determined) value (rate). The aim of the research is to establish potential strategies for incorporating stablecoins in Russian civil law as objects of legal rights. For this purpose, the article discusses the approaches of foreign regulators when selecting a model for regulating relations with such assets. It notes that they are characterised by a pragmatism which allows the rules developed for known objects (securities, exchange commodities, etc.) to be extended to different types of stablecoins for a variety of purposes. In the Russian Federation, the formation of a legal environment for the circulation of digital assets, including those

which possess the features of stablecoins, is still at an early stage. The main legislative acts, including the Civil Code of the Russian Federation, only address the issue of instruments created and traded on domestic, Russian platforms. An analysis of the Law on Digital Financial Assets and the Law on Attraction of Investments shows that many of the digital rights defined therein are similar in nature to stablecoins. They can be either secured (utilitarian rights, a number of DFAs), or unsecured (digital currency with a fixed value). However, Russian legislation, including the Law on Currency Regulation, does not refer to and, therefore, does not regulate relations with the use of “external” stablecoins. The need to introduce “external” stablecoins into the Russian legal framework, including for use in foreign trade transactions, requires changes to the legislation and regulatory approach. The article analyzes recent legislative changes and legislative initiatives in the field of digital rights regulation, and suggests ways of removing existing gaps and inconsistencies.

Keywords

foreign exchange values, currency regulation, cryptocurrency, international transactions, stablecoins, digitalisation, digital assets, digital financial assets, digital currency

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

This research was conducted as part of a government-funded project assigned to the Research Center for Private Law. The research work is registered in the Unified State Information System for Accounting of Research, Development, and Technological Work (EGISU NIOKTR) under the number 124022800097-1, with the topic: “Legal Qualification of Relations Regarding the Creation and Circulation of Digital Assets.”

For citation

Novoselova, L. A. (2024). Stablecoins in the system of current Russian legislation. *Digital Law Journal*, 5(1), 8–22. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1-1>

Submitted: 26 Jan. 2024, accepted: 16 Feb. 2024, published: 31 March 2024

Стейблкоины — это токены, стоимость которых стабилизируется за счет привязки к ликвидным и стабильным активам: долларам США, золоту или иным драгоценным металлам, либо за счет использования алгоритмических методов¹ (Sannikova & Kharitonova, 2020, p. 121). Важным качеством этих цифровых активов является то, что они принимаются в сделках по заранее определенной (определимой) стоимости (курсу). Иными словами, стейблкоинами можно признать только те цифровые активы, стоимость которых участниками оборота исчисляется исходя из стоимости, определяемой в зависимости от вида их поддержки.

Банк России определяет стейблкоины как разновидность криптовалют со встроенными механизмами стабилизации курсов по отношению к другим активам или как криптовалюты, обеспеченные другими активами (например, долларом США или золотом, нефтью и т.д.)².

В литературе дается развернутая классификация видов стейблкоинов в зависимости от вида обеспечения, или, точнее, поддержки: фиатные стейблкоины (например, *TrueUSD*, *USD Tether* и *USD Coin*), крипто-стейблкоины (в частности, *MakerDAO* и *Bitshares*), товарные стейблкоины (*Digix Global*, *HelloGold* и др.), алгоритмические стейблкоины (в том числе *Basis*, *Fragments*

¹ G7 Working Group on Stablecoins. (2019). *Investigating the impact of global stablecoins*. Bank for International Settlements. <https://www.bis.org/cpmi/publ/d187.pdf>

² Департамент национальной платежной системы. (2021). *Стратегия развития платежной системы на 2021–2023 годы*. Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf

и *Carbon*), гибридные стейблкоины (включая *Reserve*, *Saga* и *Aurora-Boreal*) и даже «суверенные» стейблкоины — собственные стейблкоины национальных банков³ (Mita et al., 2019).

В опубликованных отчетах отмечается, что активы с обеспечением в других валютах, кроме доллара, не получили широкого распространения. Согласно предоставленным данным, общая стоимость стабильных монет с привязкой к евро составляет около 600 млн долл.⁴ Общая капитализация стейблкоинов по состоянию на апрель 2024 г. уже превосходила отметку в 155 млрд долл.⁵

С учетом способов поддержания стабильности стейблкоинов их можно разбить на две большие группы: обеспеченные или необеспеченные. Для исключения терминологической путаницы следует подчеркнуть, что термин «обеспечение» используется в данном случае в ином значении, чем в российском гражданском законодательстве, и не означает наличия обеспечения, личного или вещного (залога, гарантии и т.д.), во всяком случае — обязательного.

Первая группа стейблкоинов (обеспеченные, покрытые) имеют механизм поддержки фиатной валютой, товарами (драгоценные металлы, нефть, недвижимость), другими активами или виртуальными валютами, хранящимися в резерве.

Собственно «поддержка» обеспечивается либо наличием обязательства эмитента выкупить стейблкоин по той цене, по которой он был продан, либо обязанностью эмитента выплатить по запросу держателя распределяемую во время погашения часть активов резерва; эта сумма может отличаться от первоначально выплаченной суммы из-за колебаний стоимости активов резерва.

Сходные механизмы используются и в случае стейблкоинов, поддерживаемых за счет товаров, иных неденежных активов: держатель может иметь право либо на фиксированное количество самого товара (например, унцию золота), либо на фиксированную сумму стоимости товара в бумажной валюте (например, стоимость 1 грамма золота в долларах на определенную дату). В других случаях держатель имеет право получить распределяемую часть общих товарных резервов эмитента или ее стоимость в момент погашения.

Вторые (необеспеченные) стейблкоины используют компьютерные алгоритмы при определении политики их «эмиссии» (например, корректировка предложения путем «сжигания» или продажи монет) для поддержания стабильности стоимости. В случае алгоритмического стейблкоина сам алгоритм обеспечивает расширение и сокращение предложения монеты. В алгоритмические стейблкоины заложен механизм реакции на динамику денежно-кредитной политики⁶ (Egorova & Belitskaya, 2021, p. 2–7).

При всем многообразии стейблкоины объединяет одна превалирующая функция, предопределившая их появление и распространение в цифровой экономике — функция средства обращения, реализуемая с учетом их «номинальной стоимости».

До настоящего времени ни один правопорядок мира не смог предложить единого механизма юридического регулирования отношений, возникающих между эмитентом и держателем

³ BlockchainConsultUs. (2020, April 10). *Stablecoins classification and regulatory issues*. <https://www.blockchainconsultus.io/stablecoins-classification-and-regulatory-issues/>

⁴ Liu, B. (2024, January 16). *Stablecoins remain the silver lining for RWAs: Report*. Blockworks. <https://blockworks.co/news/stablecoins-rwas-report>

⁵ Якшев, Д. (2024, 3 апреля). *Капитализация стейблкоинов превысила \$155 млрд*. РБК Крипто. <https://www.rbc.ru/crypto/news/660d42d59a79474bfb9f4251>

⁶ Clifford Chance. (2019). *Stablecoins: A global overview of regulatory requirements in Asia Pacific, Europe, the UAE and the US*. <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2019/09/stablecoins-a-global-overview-of-regulatory-requirements-in-asia-pacific-europe-the-uae-and-the-us.pdf>

стейблкоинов. Это объясняется многообразием используемых моделей экономического взаимодействия между держателем стейблкоина и эмитентом, а также между держателями этих активов. Отсутствие определенности в характере связи между эмитентом и владельцем стейблкоинов и многообразие бизнес-моделей не позволяют однозначно ответить на вопрос, кем же является обладатель стейблкоина: владельцем ценной бумаги, вкладчиком, обычным кредитором, и какими из известных договоров регулируются возникающие между ним и эмитентом отношения.

В связи с этим регуляторы во многих странах столкнулись с существенными затруднениями и препятствиями, в основе которых лежит проблема определения юридической природы исследуемого явления (Novoselova & Medvedeva, 2021, p. 7–14)⁷. Если с точки зрения гражданского права эта проблема не столь существенна, поскольку цивилист в практическом плане вполне может удовлетвориться характеристикой договора как смешанного или непоименованного, то для публичной сферы точная характеристика отношений, прямо не урегулированных законом, является важнейшим условием выбора модели регулирования. Так, в Докладе ФАТФ о так называемых стейблкоинах для министерств финансов и управляющих центральными банками «Группы 20» (июнь 2020 г.)⁸ отмечено, что так называемые стейблкоины будут считаться либо виртуальными, либо традиционными финансовыми активами в зависимости от характера и в целом допускаются к применению.

Интересно с этой точки зрения рассмотреть, как действовали регуляторы в США. Например, Комиссия по ценным бумагам и биржам (*Securities and Exchange Commission (SEC)*) признала стейблкоины ценными бумагами в классическом виде, а отношения, связанные с ними, — подлежащими регулированию правилами о ценных бумагах⁹.

Комиссия по торговле товарными фьючерсами (*Commodity Futures Trading Commission (CFTC)*) квалифицировала отношения, связанные с оборотом стейблкоинов как отношения по передаче товаров, подпадающие под правила о товарных биржах¹⁰.

Председатель Федеральной резервной системы США предлагал распространять на стейблкоины правила, регулирующие отношения в сфере банковской деятельности, а именно правила о банковских депозитах и паевых фондах¹¹, обосновывая это тем, что между эмитентом стейблкоинов и их обладателями возникают отношения, схожие с отношениями по вкладу капитала в инвестиционную деятельность.

К стейблкоинам применяются регуляторные требования по аналогии с регулированием депозитов, фондов денежного рынка и ценных бумаг. При этом должны выполняться требования

⁷ См. также: Adrian, T., & Mancini-Griffoli, T. (2019). *FinTech notes: The rise of digital money*. International Monetary Fund. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/FTN063/2019/English/FTNEA2019001.ashx>

⁸ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. (2020, июнь). *Доклад ФАТФ о так называемых стейблкоинах для группы 20*. <https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/07.Virtual-Assets-FATF-Report-G20-So-Called-Stablecoins-Russian.pdf>

⁹ См. подробнее об этом: Schmidt, R., & Bain, B. (2021, August 3). *New SEC boss wants more crypto oversight to protect investors*. Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-03/will-government-regulate-crypto-sec-chair-gary-gensler-on-bitcoin-and-oversight>

¹⁰ См. подробнее об этом: *Commodity Futures Trading Commission v. McDonnell*, 287 F.Supp.3d 213 (EDNY, March 6, 2018); см. также: *Commodity Futures Trading Commission*. (2018). *Customer Advisory: Understanding the risks of virtual currency trading*. https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@customerprotection/documents/file/customer-advisory_urvct121517.pdf

¹¹ См. подробнее об этом: Корнеев, А. (2021, 15 июля). Глава ФРС призвал к регулированию стейблкоинов аналогично депозитам. *РБК Крипто*. <https://www.rbc.ru/crypto/news/60eff3459a79478d434490e7>

по раскрытию информации, финансовой устойчивости, обеспеченности, а также сохранности резервных активов и независимому аудиту (США, ЕС, Швейцария)¹².

Вышеприведенные позиции различных регуляторов в отношении стейблкоинов вполне обоснованны, каждая из них действительно учитывает выявленные в стейблкоинах признаки, присущие разным объектам гражданского оборота: деньгам, товарам, ценным бумагам и т.д. Определяемый объект рассматривается с различных точек зрения, и в нем обнаруживаются признаки (например, средств обращения, биржевых товаров), достаточные для распространения тех или иных методов государственного воздействия в различных областях. Однако наличием только групп этих признаков (например, позволяющих для определенных целей признавать стейблкоины биржевым товаром) сущность объекта не исчерпывается, что позволяет другим регуляторам применять правила, ориентированные на иные объекты (например, денежные активы или инструменты инвестирования).

В целом ряде правовых систем используется прагматический подход к регулированию отношений, возникающих в связи с использованием стейблкоинов, когда в зависимости от наличия или отсутствия определенных признаков у стейблкоинов и сферы, в которой они проявляются, различные регуляторы признают возможность распространения на стейблкоины правового режима иных, известных объектов (ценных бумаг, биржевых товаров, денег и т.д.)¹³. Такой подход имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, он позволяет оперативно реагировать на складывающиеся ситуации, не дожидаясь достаточно долго формируемой законодательной базы. Но с другой — он порождает «битвы регуляторов» в связи с неопределенностью границ компетенций различных государственных органов. Как следствие, участники рынка могут быть поставлены перед необходимостью соблюдения несовпадающих или противоречивых требований регулирующих органов.

В российском праве вопрос о правовой природе и методах регулирования отношений по выпуску и обращению так называемых стейблкоинов поднимается, как правило, в контексте анализа зарубежных подходов, что неудивительно с учетом сложившейся в российском правовом поле непростой ситуации с определением правового режима различных цифровых объектов в современном обороте.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в нормах российского права, которые вводят понятия различных цифровых активов («цифровые права» в ст. 142.1 ГК РФ¹⁴, «цифровые финансовые активы» в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее — Закон о ЦФА)¹⁵, «утилитарные права» в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (далее — Закон о привлечении инвестиций)¹⁶), речь идет об их выпуске на территории России и привязке

¹² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 540256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2024). Текст документа приведен в соответствии с публикацией в Системе обеспечения государственной деятельности (<https://sozd.duma.gov.ru/>) по состоянию на 30.01.2024.

¹³ Достаточно подробный анализ этого явления дан в статье Egorova & Belitskaya (2021).

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

¹⁶ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

к порядку, определенному российскими регуляторами. Так, пункт 1 ст. 1 Закона о ЦФА относит к сфере регулирования данного Закона отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.

Для цифровых финансовых активов одним из квалифицирующих признаков является наличие решения об их выпуске (п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА), которое должно быть принято в порядке и в соответствии с требованиями, установленными данным Законом.

Деятельность по привлечению инвестиций с использованием утилитарных прав в соответствии с подп. 7 п. 1 ст. 2 Закона о привлечении инвестиций должна осуществляться через оператора инвестиционной платформы, которым может являться хозяйственное общество, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в реестр операторов инвестиционных платформ. Лицо, привлекающее инвестиции, в соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 1 этого Закона — это юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, или индивидуальный предприниматель, которым оператор инвестиционной платформы оказывает услуги по привлечению инвестиций.

Собственно, статья 141 ГК РФ, вводящая понятие «цифрового права» как особого объекта гражданского права, исходит из необходимости указания в законе на то, что объект относится к данной категории: если российский закон прямо не признает определенные цифровые сущности цифровыми правами как особыми объектами гражданского права, то они таковыми и не являются.

Аналогичную технику используют и основанные на этом подходе законы о ЦФА и о привлечении инвестиций: они прямо называют те цифровые активы, которые по смыслу того или иного акта признаются соответствующими цифровыми правами.

Для целей дальнейшего рассмотрения цифровые права, созданные и обращающиеся по правилам, установленным вышеназванными законами, можно называть «внутренними» цифровыми активами¹⁷.

Определенными особенностями обладает введенное Законом о ЦФА понятие цифровой валюты — актива, который не может рассматриваться как цифровое право по смыслу ГК РФ, поскольку не включает в себя обязательственных или иных известных нам прав. Очевидно, что в этом случае Закон о ЦФА ввел объект, не известный ГК РФ и не упоминаемый прямо в ст. 128 ГК РФ.

Цифровую валюту пункт 3 ст. 1 Закона о ЦФА определяет как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося

¹⁷ Российское законодательство не использует категорию «цифровой актив», оперируя понятием цифрового права, которое уже, поскольку не включает чисто платежные инструменты (криптовалюты в узком смысле слова и даже цифровые валюты по российскому праву), а также не охватывает инструменты, не подпадающие под определения, данные в Законе о ЦФА и Законе о привлечении инвестиций. Понятие «цифровой актив» как обобщающее используется в Модельном законе о цифровых финансовых активах, принятом на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (см.: постановление от 14 апреля 2013 г. № 55-11 на сайте Межпарламентской Ассамблеи СНГ (<http://iasis.ru>); Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (ч. 2)).

денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

На неудачность этого определения уже неоднократно обращалось внимание¹⁸. Если исходить из предложенных формулировок, то целый ряд известных классических криптовалют (биткоин, эфириум и прочие, существующие на публичных платформах), строго говоря, не могут быть признаны цифровыми валютами по Закону о ЦФА, поскольку они не предполагают ни оператора, ни узлов системы, имеющих какие-либо обязанности.

Вместе с тем, учитывая направленность норм Закона о ЦФА, устанавливающих правовой режим цифровой валюты и правила ее оборота, правоприменительная практика, особенно практика прокурорского реагирования, стала распространять указанные правила на все используемые для расчетов при оформлении долговых отношений цифровые активы, в том числе «внешние» и даже закрепляющие обязательства эмитента или иного лица, независимо от того, в каких системах они созданы.

Этот подход нередко объясняют тем, что использование для расчетов всех прямо не определенных в российском законе объектов на территории РФ в принципе не допускается в силу общего запрета на использование любых денежных суррогатов. Поскольку термин «денежный суррогат» не имеет четкого определения, ни легального, ни доктринального, и применяется весьма произвольно. Его пытаются употреблять и в отношении цифровых активов различной природы, в том числе разных «полезных» токенов, которые служат для фиксации и передачи различных прав (выплаты денег или дохода, передачи прав на товары или услуги и т.д.) и содержат то или иное обязательство эмитента или указанного им лица, если они используются как средство расчетов. Однако, как мы видели, российское законодательство не дает прямого указания, что представляют собой соответствующие рыночные инструменты, если они не охватываются прямо описанными в законе конструкциями. Кроме того, отнесение различных по природе и содержанию объектов к так называемым денежным суррогатам, никак не решает проблемы определения их правового режима.

Таким образом, отношения по выпуску, а главное — обороту, цифровых активов, особенно содержащих какие-либо обязательства эмитента, которые не соответствуют приведенным в российских законах требованиям, российское право не регулирует.

Невозможно удержаться от замечания, что избранный законодателем подход, который не учитывает наличие объективно существующих, очень распространенных и популярных цифровых рыночных инструментов, фактически не просто выводит их за рамки правового поля, создавая неопределенность для участников оборота, но и лишает российских регуляторов возможности эффективно и целенаправленно воздействовать на происходящие процессы.

Парадоксальность ситуации проявляется еще и в том, что, как отмечалось выше, правоприменительная, в том числе судебная, практика по гражданско-правовым спорам нередко распространяет положения Закона о ЦФА, в частности о цифровой валюте, на «внешние»

¹⁸ Экспертное заключение Совета по кодификации гражданского законодательства при Президенте РФ по проекту федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». Принято на заседании Совета 11 февраля 2021 г. № 205-7/2021.

финансовые активы, в том числе на «традиционные» криптовалюты (биткоин, эфириум и т.д.).

Такие объекты суды характеризуют как «имущество» и признают имущественный характер складывающихся по поводу них отношений, не особо рефлексируя об их конкретной природе¹⁹.

Избранная российским правом модель регулирования не основана на объединении с учетом общих признаков, прежде всего функционала, «внутренних» и «внешних» активов. Выявление общих для «внешних» и «внутренних» цифровых активов категорий с тем, чтобы затем дифференцировать их правовой режим, как это сделано с денежными средствами в рублях и иностранной валюте или с внутренними и внешними ценными бумагами, позволило бы более эффективно влиять на складывающиеся рынки. Сейчас же в рамках выбранной модели новые цифровые объекты получают (хотя и недостаточно полноценную) характеристику и регулирование, если они являются «внутренними», подпадающими под территориальные критерии, введенные ГК РФ и принятыми на его основании законами. Иные цифровые активы, обладающие такими же функциями и построенные на аналогичных правовых конструкциях, в лучшем случае попадают в общую категорию «имущество» или «имущественные права».

В целом ряде случаев, основываясь на общих положениях ГК РФ, суды, в силу диспозитивности норм гражданского права, определяют перечень объектов гражданских прав, предусмотренных в ст. 128 ГК РФ, как открытый, и таким образом обосновывают возможность существования объектов, в нем прямо не поименованных (в частности, вышеназванных криптовалют²⁰). В отношении прав и обязанностей сторон договорных отношений, предметом которых является криптовалюта, со ссылкой на п. 2 ст. 6 ГК РФ указывается на необходимость применения аналогии закона и аналогии права (Novoselova & Medvedeva, 2022, p. 34–38).

На сегодняшний день во внутренних отношениях (как в частных, так и в публичных) «внешние» цифровые активы (особенно те, которые невозможно подвести под понятие цифровой валюты) не могут быть отнесены ни к какой из введенных российским законодательством новых конструкций, причем исключительно в силу выбора модели регулирования.

При анализе описанных в российском праве инструментов (утилитарные права, цифровые финансовые активы или цифровые валюты), можно сделать вывод, что многие из них имеют такое же содержание и функционал, что и «внешние» активы, относимые к стейблкоинам. Например, цифровой актив, стоимость которого обеспечена товаром, содержащий обязательство эмитента выдать определенную единицу такого товара, очевидно, подпадает под определение утилитарного права, поскольку подпункт 1 п. 1 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций относит к утилитарным цифровым правам право требовать передачи вещи (вещей).

В эту же категорию объектов можно включить и те активы, которые содержат обязательство эмитента распределить имущество, *служащее обеспечением (покрытием), владельцам актива*, поскольку последние имеют право требовать передачи вещей от эмитента. То обстоятельство, что конкретное количество вещей будет определяться на момент исполнения, не вступает

¹⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. После внесения изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» криптовалюты в рамках банкротства суды стали рассматривать как «цифровую валюту» и, соответственно, как имущество со ссылкой на ст. 2 этого Закона, признающего цифровую валюту имуществом.

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019.

в противоречие с описанным в Законе о привлечении инвестиций содержанием утилитарного цифрового права.

В свою очередь, при наличии обязательства эмитента обменять актив на фиатные деньги²¹ по своему содержанию он подпадает под понятие цифровых прав, включающих денежные требования, в том числе в валюте, как разновидность ЦФА: в соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования. При этом не имеет значения, определен ли размер выплачиваемой суммы на момент выпуска актива или он определяется на иной момент времени в зависимости от определенных условий (например, размера депозита у эмитента на момент исполнения).

«Необеспеченные» цифровые активы, где отсутствуют обязательства эмитента, по признакам ближе всего к «цифровой валюте», как ее пытается определить Закон о ЦФА.

Но, так или иначе, сейчас «внешние» активы, чтобы быть признанными цифровыми правами определенного вида по российскому праву, как уже указывалось, должны соответствовать формальным требованиям российских законов, в том числе по кругу лиц, работе на определенных платформах и т.д.

Если формальные требования к порядку создания и обращения не соблюдены, несмотря на существенную идентичность инструментов, они выпадают из круга цифровых прав по российскому праву и рассматриваются как «имущество», «имущественные права» без уточнения правового режима, что, как уже указывалось, затрудняет регулирующее воздействие на активно развивающиеся рынки. Несмотря на то что при возникновении гражданско-правовых споров, как правило, связанных с неисполнением договоров или взысканием неосновательного обогащения, суды проявляют готовность рассматривать «внешние» цифровые активы как предмет сделок и по общему правилу предоставляют судебную защиту, это не устраняет фактического существования этих активов в «серой» зоне.

Предположим, что складывающийся подход, исключаящий из сферы специального регулирования отношения со всеми «внешними» цифровыми активами, направлен на защиту внутреннего рынка и российских участников отношений, в том числе потребителей, хотя подробного обоснования выбора модели регулирования ни законодателем при принятии соответствующих законов, ни доктриной не давалось.

Насколько эта модель применима к внешнеторговым сделкам? Возможно, в отношении них законодательство упоминает о каких-либо «внешних» цифровых активах?

В Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (далее — Закон о валютном регулировании)²² в 2024 г. были внесены изменения, призванные определить для целей валютного регулирования новые виды активов (прежде всего, цифровые права). В соответствии с подп. 4.1 ст. 1 данного Закона цифровые права, согласно положениям ст. 141.1 ГК РФ, подразделяются на:

- а) цифровые права, являющиеся валютными ценностями, — цифровые финансовые активы, включающие денежные требования в иностранной валюте, возможность осуществления прав по внешним эмиссионным ценным бумагам и (или) право требовать передачи внешних эмиссионных ценных бумаг, и цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы, указанные в данном подпункте, и утилитарные цифровые права;

²¹ Узаконенное платежное средство, ценность которого устанавливается и поддерживается государством, не обеспечено физическими товарами.

²² Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

б) цифровые права, *не являющиеся валютными ценностями*, — цифровые финансовые активы, включающие денежные требования в валюте Российской Федерации, возможность осуществления прав по внутренним эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и (или) право требовать передачи внутренних эмиссионных ценных бумаг, утилитарные цифровые права, цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы, указанные в данном подпункте, и утилитарные цифровые права.

С учетом этого подпункт 5 ст. 1 Закона о валютном регулировании относит к валютным ценностям, помимо иностранной валюты, внешних ценных бумаг, также *цифровые права, являющиеся валютными ценностями*²³.

Указывается также, что валютные операции с цифровыми правами осуществляются в информационных системах операторов информационных систем, в которых выпускаются цифровые финансовые активы, в соответствии с требованиями Закона о ЦФА, а также на инвестиционных платформах операторов инвестиционных платформ в соответствии с требованиями подп. 3 п. 1 ст. 2 Закона о привлечении инвестиций²⁴.

Анализ внесенных изменений показывает, что и Закон о валютном регулировании не вводит в правовое поле «внешние» финансовые активы, включая стейблкоины различного вида: они не подпадают под данное в нем определение цифровых прав, очевидно отсылающее к ст. 141.1 ГК РФ и принятым в развитие Кодекса законам. Как было показано выше, во всех этих актах речь идет только о внутренних инструментах, цифровых правах. То есть валютными ценностями Закон о валютном регулировании признает только российские, «внутренние» цифровые права.

Официальных пояснений о причинах, потребовавших внесения рассмотренных изменений в Закон о валютном регулировании, найти не удалось: изменения принимались сразу во втором чтении, и пояснительная записка к проекту не представлялась. Поэтому сложно понять, как авторы этого Закона предполагали решить проблемы, возникающие у российских предпринимателей при международных расчетах в связи с необходимостью прибегать к расчетам с использованием как криптовалют (биткойна и пр.), стоимость которых обеспечивается исключительно рынком, так и «внешних» стейблкоинов различных видов, обеспеченных и необеспеченных. Вместе с тем именно эти виды цифровых активов востребованы участниками международных расчетов в условиях нарастающих затруднений при использовании традиционных способов проведения платежей по трансграничным сделкам²⁵. Так, еще в конце 2022 г. председатель Правительства РФ М.В. Мишустин поручил разработать механизм использования криптовалюты в международных расчетах, однако идея до сих пор не нашла воплощения в законодательстве. Министр финансов А.Г. Силуанов сообщал, что Минфин России и Банк России обсуждают вопрос использования криптовалют во внешнеторговых расчетах. Была выражена уверенность, что Минфину России и ЦБ РФ удастся договориться²⁶. Однако до настоящего времени решение так и не согласовано²⁷.

²³ Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1569.

²⁴ Абзац введен Федеральным законом от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ.

²⁵ См.: Банк России. (2022). *Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и на период 2024 и 2025 годов*. С. 59. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf

²⁶ РИА Новости. (2022, 29 декабря). *Минфин и ЦБ продолжают обсуждать криптовалюту, заявил Силуанов*. <https://ria.ru/20221229/kripta-1842168780.html>

²⁷ Интерфакс. Экономика. (2024, 22 марта). *Минфин и ЦБ обсудят вопрос ограничений в использовании криптовалют внутри РФ*. <https://www.interfax.ru/business/951871>

Как следует из официальных источников, Банк России допускает возможность использования криптовалют в расчетах по внешнеэкономической деятельности для внешнеторговых сделок при условии, что «криптовалюта не будет использована в качестве средства платежа на территории Российской Федерации»²⁸. Более того, наряду с криптовалютой Банк России готов отработать использование цифровых финансовых активов для международных расчетов²⁹.

В апреле 2024 г. в Министерстве финансов РФ вновь заговорили о принятии законодательства о криптовалюте, в том числе о ее использовании для расчетов во внешнеэкономической деятельности³⁰.

Не случайно на этом фоне появление новых инициатив, направленных на устранение возникших пробелов в регулировании отношений, связанных с использованием цифровых активов. Одной из них являлось внесение в январе 2024 г. на рассмотрение Государственной Думы ФС РФ рядом депутатов проекта Федерального закона № 540256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»».

Инициатива основывалась, в частности, на мнении экспертов о том, что для компаний расчеты стейблкоинами могут удешевить и упростить расчеты, оптимизировать торговое финансирование, а также избежать ограничений расчетов, свойственных двухсторонней торговле в национальных валютах.

Согласно пояснительной записке, проект направлен «на отнесение обеспеченных стейблкоинов к числу цифровых финансовых активов и установление возможности их использования во внешнеэкономической деятельности для оплаты за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги».

Разработчики полагают необходимым использовать стейблкоин, обеспеченный золотом, как валюту расчета в рамках внешнеторговых контрактов, специально оговаривая, что на территории Российской Федерации расчеты стейблкоинами будут по-прежнему запрещены³¹.

Для достижения целей проекта предлагалось дополнить ст. 1 Федерального закона о ЦФА частью 2.1, в котором содержится определение обеспеченного стейблкоина как цифрового финансового актива, стремящегося поддерживать стабильную стоимость за счет привязки к курсу золота, а также возможность использования обеспеченных стейблкоинов в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги во внешнеэкономических контрактах, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг) по внешнеэкономическим контрактам (дополнение ст. 4 данного Федерального закона новой частью 10.1). По мнению авторов проекта, указанная мера позволила бы преодолеть сложности, связанные с невозможностью или существенными ограничениями в осуществлении трансграничных платежей по результатам внешнеэкономической деятельности.

²⁸ См.: Банк России. (2022). *Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и на период 2024 и 2025 годов*. С. 60. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf

²⁹ РИА Новости. (2023, 17 апреля). *Использование крипты в ВЭД возможно, но сопряжено с рядом проблем – эксперт*. <https://www.finam.ru/publications/item/ispolzovanie-kripty-v-ved-vozmozhno-no-sopryazheno-s-ryadom-problem-ekspert-20230417-1922/>

³⁰ Колобова, М. (2024, 11 апреля). *Брать в подсчет: в Минфине ждут принятия законодательства о крипте в 2024-м*. Известия. <https://iz.ru/1680187/mariia-kolobova/brat-v-podscet-v-minfine-zhdut-priiniatia-zakonodatelstva-o-kripte-v-2024-m>

³¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 540256-8.

Проект получил отрицательное заключение Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. Одно из основных замечаний касалось отсутствия обоснования предлагаемого решения, ограничивающего применение в расчетах обеспеченного стейблкоина только случаями, когда этот актив обеспечен золотом. С учетом вышеописанной мировой практики использования различных видов «поддержки» стейблкоинов исключение возможности выбора альтернативного или дополнительного базового актива, кроме золота (при этом целью проекта является расширение возможностей участников внешнеторговой деятельности «осуществлять трансграничные платежи»), было признано требующим отдельного обоснования³².

Представленный проект достаточно ярко выявляет вышерассмотренные недостатки выбранной в российском законодательстве модели регулирования. Так, в Заключении отмечено, что, с одной стороны, из пояснительной записки явно следует, что в качестве нового способа расчетов предлагается использовать обеспеченные стейблкоины, в том числе выпущенные иностранными организациями за пределами территории Российской Федерации.

С другой стороны, проект предлагает отнести обеспеченные стейблкоины к цифровым финансовым активам, выпуск, учет и обращение которых в силу ч. 5 ст. 1 Закона о ЦФА регулируются российским правом. Однако очевидно, что отношения по поводу «внешних» обеспеченных стейблкоинов не регулируются этим Законом, и простое упоминание «обеспеченных золотом стейблкоинов» как вида цифрового финансового актива в Законе о ЦФА, по сути, только создает еще одно «внутреннее» цифровое право.

В Заключении обоснованно отмечено, что, исходя из буквального текста проекта, «внешние», получившие распространение на международных рынках, стейблкоины окажутся недоступными для российских юридических и физических лиц, участвующих во внешнеторговых отношениях.

Критически было оценено в Заключении и использование в проекте понятия «обеспеченный стейблкоин», которое не содержит ключевых характеристик указанного объекта, что не позволяет отличить его от иных цифровых финансовых активов (цифровых прав по ст. 141.1 ГК РФ). Действительно, предлагаемую разработчиками категорию «обеспеченный стейблкоин» нельзя считать юридически определенной.

С этими замечаниями, безусловно, можно согласиться. Наряду с этим некоторые идеи, озвученные в Заключении, могут стать препятствием для дальнейшего развития законодательства. Так, одно из положений Заключения основывается на том, что именно возможность обмена, обеспеченная резервом базового актива, сообщает обеспеченным стейблкоином так называемую стабильную стоимость. На этом основании негативно оценивается отсутствие в проекте положений, предусматривающих обязанность эмитента — лица, осуществляющего выпуск обеспеченного стейблкоина, — создавать резерв соответствующего базового актива, а равно возможность владельца обеспеченного стейблкоина производить его обмен на пропорциональное количество такого базового актива. Утверждается, что при отсутствии таких положений не могут быть предоставлены должные правовые гарантии стабильной стоимости стейблкоинов.

Вместе с тем включение положений, определяющих характер правовой связи с эмитентом и предусматривающих обязательное требование о наличии обязательства обмена, в Закон,

³² См.: Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. (2024, 21 марта). *Экспертное заключение № 240/оп-1/2024 по проекту федерального закона № 540256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”»* (далее — Заключение).

целью которого является расширение круга доступных для использования в различных сделках инструментов, является лишним. Как было отмечено, характер отношений с эмитентом, содержание обязательств последнего могут быть самыми разными, и включение в Закон предлагаемых ограничений исключает из сферы регулирования большое количество различных рыночных инструментов. Другое дело, что при общем допущении оборота подобных активов вопрос о конкретных требованиях к ним для использования в различных целях мог бы решаться определенными регуляторами в зависимости от различных и быстро меняющихся факторов.

Собственно, такая возможность признается и в самом Заключении: «разумеется, не исключено существование таких цифровых финансовых активов (цифровых прав), для выпуска и оборота которых уполномоченный государственный орган, руководствуясь теми или иными соображениями, не будет устанавливать требование о создании резервов базового актива».

Но без изменения подхода к определению правового положения «внешних» цифровых активов, в отношении которых российский регулятор не может устанавливать правила выпуска и введения в российское правовое поле, регулятор может только не допускать или ограничивать использование для тех или иных целей цифровых активов с определенными признаками.

Основной недостаток данного законопроекта в Заключении не отмечен: по нашему мнению, он заключается в том, что разработчики пытаются «расшить» возникшие затруднения локально, включая в Закон о ЦФА указание о новом объекте, который представляется наиболее привлекательным с точки зрения использования в трансграничных платежах.

Впрочем, проблема таким образом не разрешается. Необходимо, прежде всего, определить правила использования «внешних» цифровых активов, как аналогичных описанным в нашем законодательстве утилитарным правам, цифровым финансовым активам и цифровым валютам, так и иных, причем как во внутреннем, так и во внешнем обороте.

Если российский законодатель опасается допускать их к свободному внутреннему обороту, это должно быть указано: для этого существует категория объектов, ограниченных в обороте. Но даже в отношении названных и ограниченных в обороте объектов в законе должны быть установлены как минимум правила обращения на них взыскания и учета и реализации в банкротстве (как это сделано, например, для иностранной валюты). Сейчас же ни Закон о ЦФА, допускающий обладание и использование нерезидентами «цифровой валюты», ни иные законы не определяют порядка ее реализации. Об иных «внешних» активах закон просто не упоминает, оставляя решение вопроса исключительно на усмотрение правоприменителя.

В отношении «внешних» цифровых активов можно было бы ввести правило, аналогичное установленному в подп. 4 п. 1 ст. 1 Закона о валютном регулировании, где внешние ценные бумаги определяются как ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся в соответствии с данным Федеральным законом к внутренним ценным бумагам³³.

Такое решение могло бы стать одним из шагов, позволяющих ввести «внешние» стейблкоины как разновидность «внешних» цифровых прав в правовое русло и создать основу для определения порядка и границ их использования в различных отношениях.

Впрочем, наиболее важно вернуться к обсуждению собственно модели правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых активов, в том числе различного вида стейблкоинов. С учетом необходимости устранения существующих пробелов

³³ Понятие внутренних ценных бумаг дано в ст. 1 Закона о валютном регулировании: *внутренние ценные бумаги* (эмиссионные ценные бумаги, номинальная стоимость которых указана в валюте Российской Федерации и выпуск которых зарегистрирован в Российской Федерации; иные ценные бумаги, удостоверяющие право на получение валюты Российской Федерации, выпущенные на территории Российской Федерации).

нужно как минимум указать в Законе о ЦФА на существование «внешних» цифровых активов, определить основы их правового режима (как объектов, ограниченных в обороте), а также — на первом этапе — определить компетенцию различных регуляторов по установлению правил оборота таких активов в зависимости от их вида во внешних и внутренних отношениях.

Список литературы / References

1. Egorova, M. A., & Belitskaya, A. V. (2021). Finansovaya stabil'nost' i «stabil'nye monety» (steyblkoin): pravovoy aspekt [Financial stability and stablecoins: The legal aspect]. *Jurist [Lawyer]*, (11), 2–7.
2. Novoselova L. A., & Medvedeva, T. M. (2021). O formirovanii pravovogo rezhima steyblkoinov [On the establishment of the legal regime for stablecoins]. *Bankovskoe pravo [Banking Law]*, (6), 7–14.
3. Novoselova L. A., & Medvedeva, T. M. (2022). Tsifrovyye aktivy kak ob'ekt: sudebnaya praktika po chastno-pravovym sporam [Digital assets as objects of civil law]. *Zakonodatel'stvo [Legislation]*, (12), 34–38.
4. Sannikova L. V., & Kharitonova, Y. S. (2020). *Tsifrovyye aktivy: pravovoy analiz. [Digital assets: Legal analysis]*. 4 Print.
5. Mita, M., Ito, K., Ohsawa, S., & Tanaka, H. (2019). What is stablecoin? A survey on price stabilization mechanisms for decentralized payment systems. *International Journal of Service and Journal Management*, 4(2), 71–86. <https://doi.org/10.52731/ijskm.v4.i2.574>

Сведения об авторе:

Новоселова Л.А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве, Российская школа частного права, Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, заведующий кафедрой интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

la-novosiolova@yandex.ru

Information about the author:

Ludmila A. Novoselova — Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Russian School of Private Law, Private Law Research Centre, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.

la-novosiolova@yandex.ru